

Д. С. Гречко

К вопросу о численности населения Нижнего Побужья в преддверии исчезновения большой хоры Ольвии

палеодемографические исследования уже давно заняли важное место в работах археологов. Вопросы демографии затрагивались несколькими ведущими антиковедами [1; 2; 3, с. 161; 4, с. 94–103; 5, с. 46–56; 6, с. 132–138]. С. А. Смекалов, подытоживая анализ методик подсчетов, отметил, что оценки численности населения для городов Северного Причерноморья основывались на плотности городской застройки и (или) вместимости общественных зданий.

Определение численности сельского населения проводилось на основании рекомендаций по сельскохозяйственному производству с учетом известной площади обрабатываемой территории [7, с. 348–354].

Среди разработок иностранных ученых следует отметить несколько независимых методик [7, с. 348–355; 8, р. 6–14]: метод Карла Юлиуса Белоха (на основании численности военных контингентов) [9], метод Эбергарда Рушенбуша (по размеру фороса) [10; 8, р. 7–10], метод подсчета численности населения на основе «несущей способности» региона, т. е. оценка максимального числа жителей, которые могут проживать на данной территории, поддерживая определенный жизненный уровень и используя для жизнеобеспечения исключительно внутренние природные ресурсы [8, р. 12–14; 11], метод «дробовика» Хансена [8].

До работ С. Д. Крыжицкого и В. М. Отрешко вопросы палеодемографии Нижнего Побужья были одними из наименее изученных. Значительно увеличившаяся источниковая база позволила В. М. Отрешко впервые провести подсчет ориентировочной численности населения Нижнего Побужья архаического периода. Важность данного исследования заключалась еще и в том, что было примерно определено количество населения, которое в результате целенаправленного сворачивания большой хоры в конце первой трети V в. до н. э. должно было поселиться в Ольвии и заняться массовым наземным строительством в городе [12, с. 95]. По сути, идея создания данной статьи принадлежит В. М. Отрешко, который указывал, что «не только причины такого переселения не осмыслены, но никем не высказано никаких веских аргументов в пользу самой возможности такого массового переселения. Между тем, необходимость такой аргументации несомненна...» [13, с. 122].

Методика проведения подсчетов В. М. Отрешко логична. На момент написания работы было известно общее число античных поселений греков в Нижнем Побужье, их общие характеристики. Проведение широкомасштабных раскопок в регионе позволило сделать определенные выводы о плотности застройки на больших (11–18 построек на га), средних поселениях (около 40 построек на га), в Ольвии (86–100 построек на га) и Березани (около 40 построек на га). Был учтен и хронологический фактор — определено время функционирования одной полуземлянки (около 15 лет) и подсчет плотности застройки был проведен по периодам. Было предположено, что одно

домохозяйство принадлежало 10–18 родственникам и зависимым людям. Далее уже без отдельных подсчетов по хронологическим периодам и, считая все землянки жилыми, было подсчитано общее число населения Нижнего Побужья в архаический период — от 10–12 до 12–16 тыс. человек [12, с. 36].

Здесь появляются и первые противоречия, поскольку ученые справедливо отмечали, что на одно домохозяйство приходилось 4–6 построек, что соответствует количеству комнат в многокамерном доме [12, с. 33]. Поэтому плотности застройки необходимо потом пересчитать в количество домохозяйств, то есть разделить в среднем на 6. Кроме того, необходимо учитывать, что застройка не была сплошной, квартальной. К сожалению, очень сложно подсчитать не застроенную площадь между отдельными домохозяйствами, а также изменения планировки во времени.

Важным является вопрос и о средней численности семьи, которой принадлежало домохозяйство (ойкос). В коллективной монографии она реконструируется как 10–18 человек [12, с. 33]. В посмертно изданной работе В. М. Отрешко совершенно справедливо критикуется данная цифра и аргументированно приводится другая — 5–7 человек [13, с. 111]. Данную цифру, соглашаясь с В. Д. Блаватским, считал правомерной В. М. Зубарь, реконструировав численность отдельной семьи на примере хоры Херсонеса Таврического [1, с. 174; 14, с. 18]. А. В. Буйских¹ считает правдоподобным для города Херсонеса число в 8–10 человек [6, с. 133]. Видимо, следует принять усредненное количество в 8 членов семьи, поскольку детская смертность была значительной и постоянно меняла общую численность семей.

Подобные уточнения и противоречия свидетельствуют о том, что мы имеем дело с завышенными цифрами. В. М. Отрешко справедливо отмечал, что полученные цифры являются максимально возможными и в дальнейшем могут быть изменены в сторону уменьшения [15, с. 31]. Исследователи уже высказывали мнение, что подобная методика правомерна для подсчетов плотности застройки поселений, но при подсчетах численности населения дает значительную ошибку [16, с. 30–31]. Поэтому важно проверить, в каком месте логических построений допущена ошибка.

Проверку стоит начать с крупнейшего поселения хоры, Чертоватого 7, на поверхности которого зафиксировано 76 зольных пятен, которые соответствуют отдельным домохозяйствам, в существовании которых выделяется два периода [12, с. 32]. Можно подсчитать, что суммарно за весь период существования поселения на нем проживало 608 человек², а если учесть асинхронность некоторых участков, то выйдет еще меньше. Исследователи же реконструировали численность населения Чертоватого 7 как 1000–1800 человек [12 с. 36] или 2400 человек [13, с. 119]. Таким образом, числа отличаются в 2–5 раз.

В общее количество населения Нижнего Побужья было включено 70 поселений с населением 40–108 человек, хотя кроме площади большинства данных поселений и их датировки нам мало что известно [12, с. 36; 17, с. 12–43].

Численность населения Ольвии и Березани надо также корректировать в соответствии с несколькими строительными периодами. Корректировку подсчетов в сторону уменьшения численности населения необходимо также проводить неравномерно, поскольку в последней четверти VI—первой четверти V вв. до н. э. наблюдается значительное увеличение заселенности.

Все это говорит о том, что на сегодня очень сложно (если вообще возможно) достоверно реконструировать общую численность населения Нижнего Побужья архаического периода. Более менее объективные вычисления возможны лишь для наиболее исследованных памятников (Ольвия, Березань, Чертоватое 7, Старая Богдановка 2, Куцуруб 1, Большая Черноморка 2, Козырка 9).

¹ Считаю своим долгом выразить благодарность за ценные советы при работе над данной статьей д-р. ист. наук А. В. Буйских.

² При средней численности семьи 8 человек.

Приемлемы подсчеты В. М. Отрешко для Ольвии — 120 домохозяйств и около 720 человек для первого периода, 300 домохозяйств и около 1800 (2400 человек при средней семье в 8 человек) человек в конце архаического периода [13, с. 118]. Хотя автор отмечает, что на начало третьей четверти VI в. до н. э. (первопоселенцы) могло максимально проживать до 80 семей (560 человек), признавая даже эту цифру, скорее всего, преувеличенной [13, с. 119]. Здесь следует присоединиться ко второму варианту объяснений роста населения в 2,5 раза В. М. Отрешко, который был вызван естественным ростом семей. Это также находит прямые аналогии в предположении о демографическом взрыве при жизни третьего поколения колонистов. Такой вывод был обоснован на примере изучения некрополей других греческих колоний Северного Причерноморья [18, с. 83–84; 19, с. 108]. Вполне возможное утроение количества населения Ольвии к концу позднеархаического периода подтверждается распределением погребений некрополя по хронологическим периодам (табл. 1).

Таблица 1

Распределение погребений архаического некрополя Ольвии по хронологическим периодам

2 половина VI	Середина—третья четверть VI	четвертая четверть VI—половина V
35	54	210
12 %	18 %	70 %

Примечание. Всего 299 погребений.

Для Березани также приемлемы подсчеты в районе 1000 жителей [13, с. 117]. Общую численность сельского населения можно предположить лишь гипотетически. Для трех больших поселений, исходя из подсчетов по Чертоватому 7, можно предположить общую численность населения в 1500–2000 человек. Усредненные подсчеты¹ для 70 средних поселений дают цифру в около 4480 человек. Таким образом, гипотетически на сельских поселениях Нижнего Побужья проживало около 6,5 тыс. человек². Таким образом, общее количество нижебугского населения конца архаического периода могло составлять около 10 тыс. человек, что, в общем, соответствует подсчетам исследователей [12, с. 36]. Данные приблизительные подсчеты нам были необходимы для определения возможности переселения данного населения в Ольвию при исчезновении большой хоры.

В литературе принято считать, что в конце первой трети V в. до н. э. одновременно все население большой хоры переселяется в Ольвию и начинает активно строить городские кварталы, оборонительные сооружения, культовые постройки, административные и общественные здания [12, с. 95]. По этому поводу возникает множество вопросов, которые я постараюсь сформулировать.

Долгое время считалось, что до возникновения Ольвии как государства поселения не могли составлять хору Ольвии [12, с. 40]. Здесь появляется первый вопрос, каким образом ольвиополиты заставили свободное сельское население Нижнего Побужья бросить свои домохозяйства, земельные участки и пойти строить для них жилые кварталы, которые наверняка уже были разделены между первыми колонистами,

¹ При средней площади поселений в 4 га, существовании 8 домохозяйств на поселении, и семьи в размере 8 человек.

² Важно отметить, что данная цифра попадает в диапазон (2800–4200—5040–7560 человек) численности населения хоры архаического времени, который предложил в одной из работ С. Д. Крыжицкий [20, с. 88].

а естественный рост населения Ольвии уже начал создавать дефицит территории в городе. Это могло произойти либо в результате силового подчинения, либо под воздействием внешней угрозы. Исследователи сейчас не отмечают следов ни первого, ни второго факторов, хотя ранее допускалась возможность влияния активизации скифов на сворачивание хоры [21, с. 15]. Второй вопрос заключается в поиске следов трехкратного увеличения числа жителей Ольвии во второй четверти V в. до н. э., что подразумевает что горожане, переживающие демографический взрыв и начавшие застраивать уже территорию за Заячьей Балкой (предградье), должны были наделить землей для постройки жилья и занятий сельским хозяйством еще более 6 тыс. человек.

В связи с этим важное место в построениях ученых занимает Ольвийское предградье, в которое якобы переселяется население хоры. Но здесь необходимо отметить, что предградье возникло в конце VI—начале V вв. до н. э.¹ и это, видимо, было связано с демографическим взрывом в городе (население практически утроилось). В. М. Отрешко, отмечая сравнительную малочисленность жителей предградья (560–840 человек), считает, что там могли проживать люди, лишенные возможности иметь жилье в городе² [13, с. 121]. Факт появления в это время предградья косвенно свидетельствует об отсутствии свободных территорий в Ольвии к этому времени. Расцвет предградья приходится на третью четверть V в. до н. э. [22, с. 63]. Как мы видим, возникновение предградья не связано напрямую со сворачиванием большой хоры.

Здесь важно отметить, что жители Старой Богдановки 2, Козырки IX и XI бросили не землянки, а уже наземные дома с сырцовыми стенами на каменных цоколях [24, с. 52; 25, с. 103–104]. Исследователи считают, что в начале V в. до н. э., когда и в Ольвии и на поселениях хоры начинается наземное строительство, еще не предполагали переселения сельских жителей в город [21, с. 14]. Тогда остается неясным, что повлияло на решение о синойклизме спустя несколько лет, когда строительные работы уже велись на полную мощность и были близки к завершению.

Кроме Ольвии, продолжает существовать Березань, хотя к середине V в. до н. э. площадь поселения значительно уменьшается [26, с. 192, 206]. Этот факт подтверждается и данными березанского некрополя, где погребения второй четверти V в. до н. э. единичны [13, с. 116].

Даже если предположить, что около 6,5 тыс. жителей хоры присоединились к 2,4 тыс. ольвиополитам, которые оказались бы в меньшинстве по сравнению с эпойками, возникает вопрос, с какой же целью ольвиополитам понадобились жители хоры. Наверняка для того чтобы строить их личные дома в Верхнем и Нижнем городе Ольвии. Остаются оборонительные, культовые и административные сооружения. Подтверждается ли начало строительного бума во второй четверти V в. до н. э. данными археологии?

Широкомасштабные раскопки оборонительных сооружений, несмотря на сообщение Геродота, не подтверждают наличие стен у Ольвии в это время [22, с. 84–85; 27, с. 102]. Отсутствие стен в первой половине V в. до н. э. подтверждается наличием захоронений второй четверти данного столетия в раскопе «И» [28, с. 119], поскольку функционирование некрополя в пределах города живых противоречит греческой традиции [29, р. 189–190].

Строительство Западного теменоса к концу позднеархаического периода было в целом завершено [30, с. 123–127]. Здесь стоит подчеркнуть один момент, на территории древнейшего теменоса Ольвии отсутствуют какие-либо более ранние жилищно-хозяйственные комплексы, что, вероятно, говорит о том, что данная территория изначально была от-

¹ С. Д. Крыжицкий справедливо считает, что максимальный расцвет предградья переживает в середине — второй половине V в. до н. э. [22, с. 63], но отрицать наличие немногочисленных комплексов и материалов конца VI—начала V вв. до н. э. на сегодня не представляется возможным [23, с. 4].

² Отделившиеся от родителей молодые семьи?

ведена под культовый участок. Поэтому можно присоединиться к мнению исследователей, что территория Ольвийского городища была изначально разделена на жилую, культовую часть и некрополь [31, с. 158]. Основание Восточного теменоса приходится на конец VI—начало V вв. до н. э. [31, с. 154]. Храм Аполлона Дельфиния и алтарь на данном теменосе был возведен не позднее начала V в. до н. э. [32, с. 69–70]. Агора возникла еще в позднеархаический период [22, с. 66; 33, с. 88]. Основание гимнасия, вероятно, относится ко второй половине V в. до н. э., а его постройки, которые были исследованы, датируются эллинистическим временем, как и здания торговых рядов [33, с. 98–101]. Террасы в этот период еще не были застроены. В целом, при детальном рассмотрении видно незначительное количество строительных остатков второй четверти V в. до н. э. Много сооружений датируется достаточно широко V—IV вв. до н. э. или вторая половина V в. до н. э. [22, с. 69–86]. Переход от земляночного строительства к наземному сырцово-каменному начался в последней четверти VI в. до н. э. и завершился к концу первой четверти V в. до н. э. [34, с. 46]. Учитывая данные некрополя, где захоронения второй четверти V в. до н. э. в целом соответствуют по численности могилам конца VI—начала V вв. до н. э., можно предполагать, что в это время Ольвия не пережила массового наплыва нового населения. Расцвет города начинается во второй половине V в. до н. э. и продолжается в IV в. до н. э.

Кроме того, вряд ли возможно, чтобы в Ольвии могло проживать в это время 12–13 тыс. человек [13, с. 120]. К примеру, население современного с. Парутино всего около 2 тыс. человек [35, с. 640]. К тому же, земли, прилегающие к городу, не смогли бы прокормить такое количество людей, которое до этого времени обеспечивалось сельскохозяйственной продукцией с территории практически всего Нижнего Побужья. Данные о площади пахотных земель при экстенсивном ведении сельского хозяйства, которые необходимы для того, чтобы прокормить семью одного гражданина (крестьянина) разнятся от 4,4 га [14, с. 16] до 7,2–10,6 га [36]. Возьмем среднюю цифру в 5 га, тогда выйдет, чтобы прокормить 1500 семей, потребуется 7,5 тыс. га пахотных земель, что составит территорию размерами в 75 кв. км.

По другой схеме подсчета площади обрабатываемых земель, необходимой, чтобы прокормить определенное число людей, получаются следующие цифры. Продуктивность 1 га в античную эпоху в среднем составляла около 7 ц зерна [37, с. 37]. Для пропитания одного человека в год необходимо в среднем 250 кг¹ зерна. Для последующего засева одного га в среднем нужно 130–165 кг зерна. В таком случае, чтобы обеспечить зерном 12 тыс. человек потребуются 3450 га (34,5 кв. км)². При этом кормовые культуры занимали половину обрабатываемой территории (ячмень) [37, с. 37]. Учитывая развитие плодоводства (на 1 семью приходилось 0,5–1 га сада) [12, с. 74] и общие расходы по лису и отправление установленных культов [14, с. 17; 39, с. 268], необходимо добавить еще около 20 % от общей обрабатываемой площади [38 с. 37–38]. А ведь необходимо еще учитывать, что выращивалось не только зерно и, что были необходимы площади для пастбищ (около трети всех сельскохозяйственных угодий) [37, с. 38].

Подобного количества сельскохозяйственных угодий (около 100 кв. км), если учитывать территорию некрополя и балки, в ближайшей округе Ольвии найти не удастся. Более реальна ранее предложенная цифра в около 300 семей на начало V в. до н. э. и необходимой распаханной площадью в 1500 га (15 кв. км)³. Не стоит забывать

¹ Рацион взрослого мужчины 306 кг зерна в год [38, р. 72, tab. 3].

² При урожайности 10 ц с га, годовом употреблении 250 кг зерна одним человеком и 150 кг зерна для последующего засева 1 га.

³ Можно предположить, что территорию хоры Ольвии второй четверти V в. до н. э. маркируют возникшие скифские могильники (Адзигол, Матросовка, Лупарево) (рис. 1) [40, с. 116–1135]. Что позволяет говорить о том, что ее общая площадь (овраги, некрополи, поселения) составляла около 48 кв. км.

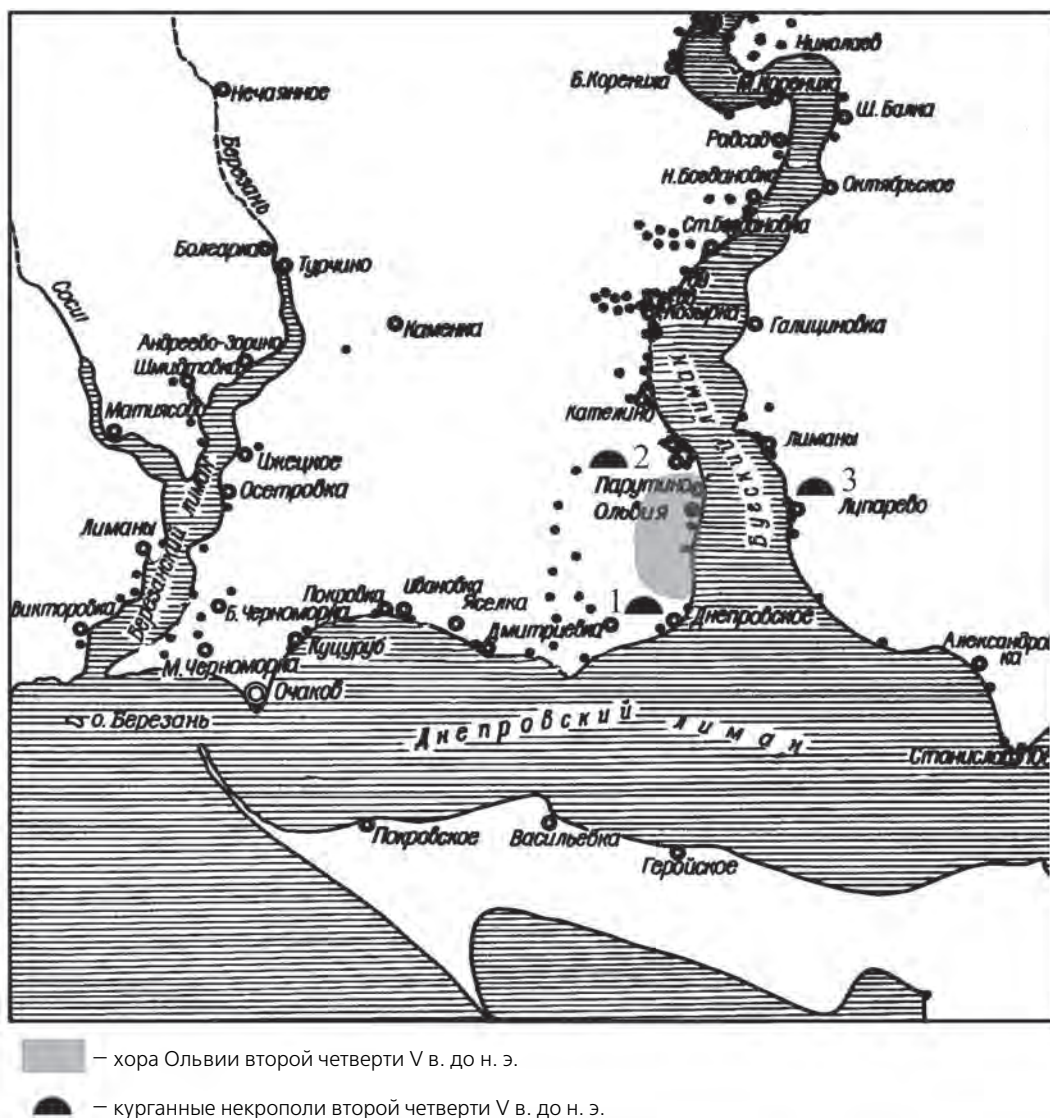

Рис. 1. Нижнее Побужье в VI—первой половине V вв. до н. э. (за основу взята карта по [12, с. 21, рис. 3]:
1 — Аджигол; 2 — Матросовка; 3 — Липарово

о санитарных условиях, которые бы стали невыносимыми при проживании 12–13 тыс. человек в городе, лишенном канализации. Первые элементы канализации (латрины) появляются в Ольвии, в эпоху эллинизма [33, с. 105–106].

О переносе места производства и хранения, в частности, зерна в самой Ольвии свидетельствует появление зерновых ям, которые исчезнут с освоением хоры ольвиополитами в конце V в. до н. э. [41, с. 45].

Причины реконструкции Ольвии, как и других городов Северного Причерноморья, следует искать в окончании адаптации колонистов к местным природным условиям и демографическому взрыву, который фиксируется при жизни третьего поколения [18, с. 84; 19, с. 108]. Увеличение населения в 2,5 раза фиксируется и в Ольвии в конце

архаического периода [13, с. 120], как раз в преддверии реконструкции города. Демографический взрыв и формирование городской структуры спустя 70–80 лет с момента основания зафиксированы на Березани [42, с. 85–95], в Мирмекии [43], Керкинитиде [37, с. 107–108], Пантикапее [44, с. 59–62].

Приблизительные темпы роста численности ольвиополитов согласно разработкам Е. Я. Рогова¹ можно представить следующим образом (табл. 2). К сожалению, отсутствующие антропологические определения погребенных в архаическом некрополе Ольвии не позволяют установить среднюю продолжительность жизни поколения. На данный момент мы располагаем подобной информацией для могильника Истрия «Бент» и считаем, что данные не должны сильно отличаться от ольвийских. Большинство погребенных в упомянутом некрополе умерли в зрелом возрасте (*maturus*, 30–35–50–55 лет) [45, р. 129], что позволяет говорить о средней продолжительности жизни одного поколения в течение примерно 40 лет. Данный средний срок жизни зафиксирован и для мужчин Панского 1 [18, с. 81–83]. Незначительное число захоронений середины—третьей четверти VI в. до н. э. и строительных остатков в городе не позволяет считать число первопоселенцев более чем 80 мужчин-глав семей [13, с. 119], т. е. числа, близкого минимальному числу колонистов, необходимого для обеспечения жизнеспособности общины [18, с. 78].

Таблица 2

Динамика роста населения Ольвии в VI—V вв. до н. э.

гг. до н. э.	570–530 ²	530–490 ³	490–450	450–410 ⁴
семей/ населения	80/640	240/1920 (640 выселяется на хору)	480/3840	1440/11520

¹ Утроение предшествующего числа жителей к следующему поколению [18, с. 83–84].

² На сегодня древнейшие керамические материалы в городе датируются рубежом первой и второй четвертей VI в. до н. э., хотя древнейший опубликованный комплекс на сегодня датируется 60–50-ми гг. VI в. до н. э. [46, с. 185]. Стоит подчеркнуть, что, скорее всего, время жизни первого поколения ольвиополитов на новой родине было меньше, поскольку колонисты навряд ли были детьми. В целом, следует отметить всю условность выделенных поколений и демографических подсчетов, поскольку отсутствуют многие исходные данные (число первопоселенцев и точная дата основания Ольвии, количественное соотношение горожан и тех, кто осваивал хору и механизм данного процесса, точные данные о миграции и эмиграции в данный период, информация о потерях в результате войн и эпидемий и др.). Приведенная гипотетическая реконструкция призвана показать реальность освоения Нижнего Побужья Ольвией, опираясь лишь на свои внутренние ресурсы и демографический потенциал без определяющего значения миграции из Ионии во второй половине VI в. до н. э.

³ В это время (в конце жизни первого поколения колонистов, третья четверть VI в. до н. э.) на берегах Бугского лимана появляются сельскохозяйственные поселения, которые, вероятно, основываются ольвиополитами (Старая Богдановка 2 [24, с. 50] и др.), поэтому необходимо, вероятно, вычсть приблизительно треть населения (одна семья остается в доме со времени умерших родителей, вторая обживается в городе, а третья, гипотетически, может основывать свои домохозяйства недалеко от Ольвии).

⁴ В это время и до освоения всего Нижнего Побужья весь демографический потенциал ольвиополитов обеспечивает прирост городского населения. Население поселений ольвийской ближней хоры (Широкая и Закисова Балки) обладало достаточным потенциалом для самостоятельной репродукции и начала широкого освоения Нижнего Побужья. Вероятно, уже в последней трети V в. до н. э. перенаселенность города повлекла за собой новое освоение некоторых брошенных поселений (Чертоватое 7, Лупареве 2, Старая Богдановка 2) [12, с. 99]. В это же время максимальную площадь занимает предградье [23, с. 7].

Как показывают данные, приведенные в таблице, именно естественный прирост населения Ольвии и мог создать необходимые предпосылки для собственной колонизации к последней четверти V в. до н. э. Нижнего Побужья. В последнее время ведущие исследователи хоры Ольвии считают, что ее освоение в архаический период носило не стихийный, а организованный характер [47, с. 29].

Это позволяет предположить, что Ольвия как государство сформировалась не в результате синойкизма сельских поселений [48, с. 42–44], а была изначально заложена как один из центров греков Нижнего Побужья [49, с. 52] и в результате увеличения количества населения в первой половине V в. до н. э. окрепла как государство. Здесь необходимо отметить и тот факт, что синойкизм зачастую не представлял собой переселения всего населения в один центр. Чаще всего синойкизм подразумевал объединение не физическое, а прежде всего политическое [19, с. 102–103].

Вполне вероятно, что часть населения ольвийских поселений хоры все же оказалась в городе и соседних поселениях, но речь скорее всего должна идти о вынужденном, кратковременном (до стабилизации ситуации в Степи) возвращении к городским родственникам сельских жителей. Нельзя исключать гибель или пленение скифами части греческого населения Нижнего Побужья. Это особенно вероятно по отношению к Березани и ее хоре. А. С. Русяева не исключает возможности возвращения определенного числа нижнебугских греков в освобожденную от персов Ионию [50, с. 61].

До сих пор увеличение численности ольвиополитов в последней четверти VI в. до н. э. было принято связывать с притоком новых колонистов, а демографический потенциал первопоселенцев не учитывался. Подобным образом объясняли и скачкообразный рост населения Херсонеса. Недавно рост численности херсонеситов А. В. Буйских правомерно связала не с притоком новой волны эпойков, а с успешной реализацией внутренних ресурсов первопоселенцев [6, с. 136–137].

Часть исследователей считает, что во второй половине VI в. до н. э. в город прибыла еще группа колонистов из Ионии, где происходила ожесточенная борьба с Лидийским царством, а позже с Ахеменидской Персией [49, с. 52]. Этим объясняется возобладание культа Аполлона Дельфиния. Однако анализ ситуации в Ионии показывает, что обстановка складывалась несколько иначе. Геродот писал, что хору Милета разорял Алиатт, как и его отец Садият (Herod. I, 18). Для нас важно то, что разорение хоры Милета происходило не в середине VI в. до н. э., а в последнем десятилетии VII в. до н. э., поэтому с этими событиями более правомерно связывать основание самой Ольвии [51, с. 59]. В конце VII в. до н. э. при Фрасибуде был заключен мир (Herod. I, 19–22). Согласно Геродоту, милетяне жили в мире и были союзниками лидийского царя Креза и персидского царя Кира (Herod. I, 141). В это время Милет все еще выводит новые колонии (Феодосия, Керкинитида, Патрей), поэтому не логичным выглядит добровольное превращение колонистов в эпойков. Нет оснований предполагать переселение милетян в Ольвию и после разгрома 494 г. до н. э., поскольку Геродот иначе описывает их судьбу (Herod. VI, 20). Можно согласиться с А. С. Русяевой, что смена Аполлона Врача на Дельфиния произошла в результате внутренней политической борьбы в полисе, но с оговоркой [49, с. 52], что эта борьба происходила без участия значительной волны колонистов. Вполне вероятным кажется появление небольшого числа влиятельных жителей Милета, которые были вынуждены покинуть родину в результате внутренней политической борьбы. Возможно, именно их вмешательство и привело к замене духовного патрона. В любом случае, Ольвия не была замкнута в себе, а открыта для внешнего влияния [53, с. 13], в том числе политического, со стороны метрополии и жрецов Дельфиниона. Можно согласиться с исследователями, что именно благодаря их усилению и влиянию и произошла смена ольвийского духовного покровителя [49, с. 52].

Часть земледельческих поселений Нижнего Побужья, в основном расположенные вдалеке Ольвии, исчезли под давлением скифов, которые значительно активизируют-

ся во второй четверти V в. до н. э. [40, с. 120–133]. Здесь необходимо затронуть вопрос об этнической принадлежности части жителей некоторых поселений Нижнего Побужья. Для поселения Куцуруб 1 некоторыми исследователями признается присутствие значительной части фракийцев [24, с. 72]. Здесь, возможно, мы имеем дело с проникновением фракийцев из Добруджи в Нижнее Поднестровье и Побужье в связи с колонизационной политикой Истрии [54, с. 226–227].

Поселение Чертоватое 7 выделяется на фоне греческих многими чертами. Это наличие зольных пятен, практически полное отсутствие граффити с греческими надписями. Кроме того, у данного поселения существует «двойник» в Лесостепи — Мотронинское городище. Многочисленные прямые параллели с поселениями Нижнего Побужья отмечены авторами монографии, посвященной данному укреплению [55, с. 18, 36, 43–44, 52–55]. Это наличие зольных пятен, под которыми зафиксирована идентичная Чертоватому 7 «кустовая» застройка аналогичными типами жилищ. Прямые аналогии большей части керамического комплекса Мотронинского городища имеются на поселениях Нижнего Побужья [55, с. 56–71, 76].

Следует подчеркнуть, что образование зольных пятен над группами построек, является результатом хозяйственного обычая, который характерен для населения Лесостепи, начиная с позднего бронзового века [56, с. 359–362; 57, с. 273–281]. Эллинские зольники носили исключительно культовый характер и отличаются от зафиксированных на Чертоватом 7 [58, с. 95–100]. Максимальное распространение подобных объектов в Лесостепи приходится на VII—первую четверть V вв. до н. э. Наличие зольных пятен резко выделяет Чертоватое 7 среди синхронных поселений Нижнего Побужья. Особенно разительно отличие от Широкой Балки, расположенной неподалеку. Схожа и судьба данного поселения и лесостепных поселенческих структур с зольниками (в частности, Мотронинского городища), которые в конце первой четверти V в. до н. э. фактически исчезают [12, с. 94–95; 55, с. 125]. Факт тесного контакта ольвиополитов с лесостепной знатью в позднеархаическое время и их присутствие в городе уже отмечался исследователями [16, с. 41; 59, с. 178–179; 60, с. 92–95]. Возможно, лесостепные знатные роды переместили часть зависимого земледельческого населения вместе с собой, и поселили вблизи Ольвии. Подобную возможность допускает К. К. Марченко [61, с. 141]. Данное население, вероятно, должно было обеспечивать материальными благами скифских воинов и их семьи.

Основание сельской округи Ольвии в последней четверти VI в. до н. э. стало возможным благодаря естественному росту численности ольвиополитов. Аналогичным по сути выглядит для нас и процесс основания хоры Березанью (Березанский лиман) во второй четверти—середине VI в. до н. э. и переход к наземному каменному домостроительству в середине VI в. до н. э., что уже отмечалось исследователями [19, с. 105]. Здесь важно подчеркнуть, что Березань не смогла успешно пережить смену власти в Степи в первой половине V в. до н. э. и приходит в упадок. Возможно, это также следы дипломатической деятельности ольвиополитов.

Таким образом, можно предположить, что ольвиополиты договорились со скифами, которые, вероятно, не тронув город и часть его хоры, ликвидировали часть поселений греков, некоторые из них, возможно, включали определенные контингенты фракийцев и выходцев из Лесостепи и, что самое важное, по сути, приводят в упадок Березань и ее сельскохозяйственные поселения. Этот процесс хорошо фиксируется изменением состава лепной керамики в Нижнем Побужье — исчезает фракийская и лесостепного типа керамика [62, с. 115, 122–123]. Происходит смена заинтересованных в контактах с Ольвией кочевников — на смену лесостепным кочевникам (скифы первых двух волн, по С. А. Скорому), приходят новые хозяева Степи (третья волна, по С. А. Скорому). На территории Нижнего Побужья как раз во второй четверти возникает несколько скифских могильников второй четверти V в. до н. э. [40]. Все это хорошо согласуется с информацией Геродота о Скиле (Herod. IV, 78).

О скифском протекторате речь едва ли может идти [63, с. 21–35], но выплата дани и дары вождям кочевников, скорее всего, имели место. Греки компенсировали свои убытки неэквивалентной торговлей с номадами. В частности, можно предположить, что номады поставляли грекам часть вооружения, рабов, скот¹. Подобный симбиоз создал эффективную систему, которая обеспечивала рост благосостояния, как греков, так и скифов. Именно исчезновение конкурентов и установление взаимовыгодных отношений со скифами открыли путь ольвиополитам для собственной широкой колонизации Нижнего Побужья в конце V в. до н. э., которая была вызвана дальнейшим естественным ростом населения города.

Вероятно, свидетельством подобного хода событий является тот факт, что в Нижнем Побужье только Ольвия переживает без особых потрясений первую половину V в. до н. э.², после чего вступает в период своего наибольшего расцвета. Символично, что благополучие Ольвии и скифов увеличивается практически синхронно и исчезновение Скифии приводит к упадку Ольвии. Видимо, Ольвия прекрасно себя чувствовала под «опекой» скифов, а стабильная этнополитическая ситуация способствовала развитию ремесла и торговли.

Таким образом, на сегодня правомерно считать, что освоение земель в окрестностях Ольвии происходило организовано в результате естественного роста числа ольвиополитов. Временное сворачивание хоры в конце первой трети V в. до н. э. можно связывать с нестабильной ситуацией в Степи. После установления мирных отношений со скифами Ольвия, обладавшая во второй половине V в. до н. э. значительными людскими ресурсами, приступает к широкому освоению земель, на этот раз, всего Нижнего Побужья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блаватский В. Д. Земледелие в античных городах Северного Причерноморья. — М., 1953.
2. Домбровский О. И. Античный театр в Херсонесе (Раскопки 1954–1958 гг.)//Сообщения Херсонесского музея. — Севастополь, 1960. — № 1.
3. Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического//ХСб. — 1961. — Вып. VI.
4. Крыжицкий С. Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе//Причерноморье в эпоху эллинизма. — Тбилиси, 1985.
5. Крижицкий С. Д., Щеглов О. М. Про зерновой потенциал античных держав Північного Причерномор'я//Археологія. — 1991. — № 1.
6. Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху//МАИЭТ. — Симферополь, 2008. — Suppl. 5.
7. Смекалов С. А. Оценки численности населения Европейского Боспора (введение в тему)//ДБ. — 2009. — Т. 13.

¹ Появление скифского скота у греков надежно фиксируется данными палеозоологии [64, с. 264].

² Следы разрушений второй четверти V в. до н. э. в Ольвии все же зафиксированы. На участке Клиф-1 был частично исследован подвал с хиосскими пухлогорлыми амфорами «первой половины V в. до н. э.». Исследователи считают, что, «возможно, данное помещение погибло вследствие пожара (о чем свидетельствуют обгоревшие фрагменты амфорных стенок), и в дальнейшем было засыпано чистым песком и перекрыто более поздней кладкой» [65, с. 153–154]. На участке Т-3 «жилая, застраиваемая поверхность предполагалась вырезаться на плотном материковом грунте, но часто оказывалась устроенной на лессовых слоях переотложенного материкового грунта, образовавшихся вследствие разрушения глинобитных наземных стен постороек раннеклассического времени, погибших во второй четверти V в. до н. э.» [66, с. 236].

8. *Hansen M. H.* The Shotgun Method: The Demography of the Ancient Greek City-State Culture. — Columbia, 2006.
9. *Beloch J.* Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. — Leipzig, 1888.
10. *Ruschenbusch E.* Tribute und Burgenzahl im Ersten Athenischen Seebund//ZPE. — 1983. — Bd. 53.
11. *Sallares R.* The Ecology of the Ancient Greek World. — L., 1991.
12. *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. — К., 1989.
13. *Отрешко В. М.* Население Нижнего Побужья в архаическое время//Ольвийские древности. — К., 2009.
14. *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). — К., 1993.
15. *Отрешко В. М.* О демографическом и военном потенциале Ольвийского полиса в конце архаического периода//Новые страницы древней истории Южной Украины. — Николаев, 1997.
16. *Зубарь В. М., Сон Н. А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития//МАИЭТ. — Supplement. — Симферополь, 2007. — Вып. 3.
17. *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). — К., 1990.
18. *Рогов Е. Я.* Экология Западного Крыма//ВДИ. — 1996. — № 1.
19. *Виноградов Ю. А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья//Stratum plus. — 1999. — № 3.
20. *Крыжицкий С. Д., Зубарь В. М., Русяева А. С.* Античні держави Північного Причорномор'я/Україна крізь віки. — К., 1998. — Т. 2.
21. *Крыжицкий С. Д., Отрешко В. М.* К проблеме формирования Ольвийского полиса//Ольвия и ее округа. — К., 1986.
22. *Крыжицкий С. Д.* Ольвия. Историографическое исследование строительных архитектурных комплексов. — К., 1985.
23. *Козуб Ю. І.* Передмістя Ольвії//Археологія. — 1979. — Вип. 29.
24. *Марченко К. К., Доманский Я. В.* Два поселения Нижнего Побужья архаического времени (опыт сравнительной характеристики)//Stratum plus. — 1999. — № 3.
25. *Отрешко В. М.* Раскопки раннегреческих поселений у с. Козырка//Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. — Днепропетровск, 1980.
26. *Копейкина А. В.* Особенности развития поселения на острове Березань в архаический период//СА. — 1981. — № 1.
27. *Крыжицкий С. Д. и др.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. — К., 1999.
28. *Книпович Т. Н.* Некрополь на территории Ольвии (из работ ольвийской экспедиции 1940 г.)//КСИА. — 1941. — Вып. X.
29. *Kurtz D., Boardman J.* Greek Burial Customs. — L., 1971.
30. *Русяева А. С.* Исследования Западного теменоса Ольвии//ВДИ. — 1991. — № 4.
31. *Буйских А. В.* Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI в. до н. э.//ВДИ. — 2005. — № 2.
32. *Карасев А. Н.* Монументальные памятники Ольвийского теменоса//Ольвия. Теменос и агора. — М.; Л., 1964.
33. *Левин Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. — Л., 1985.
34. *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. — К., 1982.
35. *Парутино//* Історія міст і сіл УРСР. Миколаївська обл. — К., 1971.
36. *Янсон Ю. Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. — СПб., 1881.

37. *Кутайсов В. А.* Керкинитиды в античную эпоху. — К., 2004.
38. *Foxhall L., Forbes H. A.* Sitometreia: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity//Chiron. — München. — 1982. — Bd. 12.
39. *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—VI вв. до н. э.//Античная Греция. — М., 1983. — Т. 1.
40. *Гречко Д. С.* Курганы Нижнего Побужья VI—первой половины V вв. до н. э.: греки или скифы?//Древности 2010: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2010. — Вып. 9.
41. *Лейтунская Н. А.* Жилой район Ольвии к юго-западу от агоры (1972–1977 гг.)//Ольвия и ее округа. — К., 1986.
42. *Соловьев С. А.* Периодизация жилого строительства античной Березани//ПАВ. — 1994. — 8.
43. *Виноградов Ю. А.* Мирмекий//Очерки археологии и истории Боспора. — М., 1992.
44. *Толстиков В. П.* Пантикапей — столица Боспора//Очерки археологии и истории Боспора. — М., 1992.
45. *Teleaga E., Zirra V.* Nekropole des 6–1 Jhs v. Chr von Istria Bent bei Histria//Archäologische Untersuchungen zur Bevölkerung in der westlichen Schwarzmeerregion. Internationale Archäologie 83. — Rahden/Westf: Leidorf, 2003.
46. *Буйских А. В.* Новая землянка VI в. до н. э. в Ольвии: новый взгляд на старые проблемы//Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. — СПб., 2005.
47. *Буйских С. Б., Буйских А. В.* К хронологии архаических поселений хоры Ольвии Понтийской//Боспорские исследования. — Симферополь; Керчь, 2010. — XXIV.
48. *Рубан В. В.* Некоторые аспекты изучения процесса формирования античных городов Северного Причерноморья//Древние города. — А., 1977.
49. *Русяева А. С.* Милет—Дидимы—Борисфен—Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья//ВДИ — 1986. — № 2.
50. *Русяева А. С., Супруненко А. Б.* Исторические личности эллино-скифской эпохи. — К.; Комсомольск, 2003.
51. *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. — М., 1989.
52. *Виноградов Ю. Г.* Понт Эвксинский, как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика//Античные полисы и местное население Причерноморья. — Севастополь, 1995.
53. *Марченко К. К., Доманский Я. В.* Античное поселение Куцуруб 1//АСГЭ. — 1986. — № 27.
54. *Бруяко И. В.* Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р. Х.). — Кишинев, 2005.
55. *Бессонова С. С., Скорый С. А.* Мотронинское городище скифской эпохи. — К., 2001.
56. *Дараган М. Н.* К вопросу о функционально-семиотической интерпретации раннескифских зольников Днепровской Лесостепи//Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. — Полтава, 1996.
57. *Гречко Д. С.* К вопросу о функциональном назначении зольников северскодонецкой группы памятников скифского времени//ВХУ. — 2006. — Вып. 38.
58. *Русяева А. С.* Древнегреческие сакральные зольники в Нижнем Побужье//РА. — 2006. — № 4.
59. *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. — К., 1992.
60. *Бессонова С. С.* Об элементах скифского обряда в архаическом некрополе Ольвии//Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея). — Херсон, 1991.
61. *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья//ВДИ. — 1980. — № 1.

62. *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII—первой половине I вв. до н. э. — Л., 1988.
63. *Крижицький С. Д.* Ольвія і скіфи у V ст. до н. е. До питання про скіфський протекторат//Археологія. — 2001. — № 2.
64. *Журавлев О. П.* Животноводство и охота в Ольвийском государстве//Ольвийские древности. — К., 2009.
65. *Кративина В. В., Буйских А. В., Крутилов В. В., Хмелевский Д. Н., Смирнов А. И.* Охранные раскопки в южной части Нижнего города Ольвии в 2001 году (краткие итоги)//Археологічні відкриття в Україні 2000–2001. — К., 2002.
66. *Назарчук В. И.* Новые материалы из раскопок участка Т-3 в Ольвии//Археологічні відкриття в Україні 2002–2003. — К., 2004.

Резюме

Гречко Д. С. До питання щодо чисельності населення Нижнього Побужжя напередодні зникнення великої хори Ольвії

У статті розглядаються питання палеодемографії населення Нижнього Побужжя VI—середини V ст. до н. е. Унаслідок проведених підрахунків на сьогодні правомірно вважати, що не було декількох хвиль колоністів, а залюднення земель у регіоні відбувалось організовано унаслідок природнього зростання кількості ольвіополітів. Тимчасове згорання хори наприкінці першої третини V ст. до н. е. можливо пов'язувати з нестабільною ситуацією у Степу. Після встановлення мирних стосунків зі скіфами Ольвія, яка володіла у другій половині V ст. до н. е. значними людськими ресурсами, переходить до широкого освоєння земель, на цей раз всього Нижнього Побужжя.

Ключові слова: Ольвія, хора, греки, палеодемографія.

Summary

D. Grechko. On the Issue of Population Size of the Lower Bug on the Eve of Disappearance of Big Chora of Olvia

The problem under review of this article is paleodemography of the population of the Lower Bug of VI—mid. V c. B. C. The approved estimates to date allows to state that instead of several waves of colonists, the land settlement took place in an organized way owing to natural growth of Olvian population. The temporary disappearance of the chora in the end of the first third of V c. B. C. can be connected with unstable situation in the steppe. After the establishment of amity with the Scythians Olvia that possessed considerable labour resources in the second half of V c. B. C., moves to general reclamation of the all Lower bug.

Key words: Olvia, chora, the Greeks, paleodemography.

